

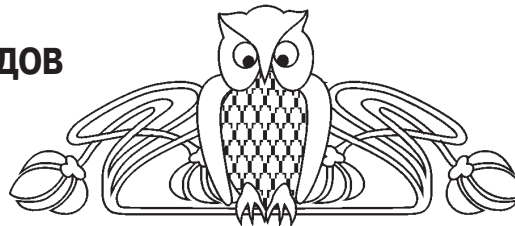
УДК 94(3)

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ПЕРВЫХ АРШАКИДОВ

А. С. Балахванцев

Институт востоковедения РАН, Москва

E-mail: balakhvantsev@gmail.com

В статье рассматриваются взаимоотношения между первыми Аршакидами и греческим, а также иранским населением Парфии и Гиркании. Отмечается, что при Аршаке I и его непосредственных преемниках их власть в данном регионе носила характер военной оккупации. Делается вывод, что только при Фраате I и Митридате I конфликт с местным населением был улажен, что создало условия для быстрого роста могущества Парфянского государства.

Ключевые слова: Аршакиды, Парфия, Гиркания, Аршак I, Фраат I, Митридат I.

The Internal Policy of the Early Arsacids

A. S. Balakhvantsev

The article dwells upon the relations between the early Arsacids and the Greek and Iranian population of Parthylene and Hyrcania. It is noted that during the rule of Arsaces I and his immediate successors their power in this region was a kind of military occupation. It is concluded that it was only during Phraates I and Mithridates I reign that the conflict with the local population was settled, and the conditions for rapid growth of the power of the Parthian state were provided.

Key words: Arsacids, Parthylene, Hyrcania, Arsaces I, Phraates I, Mithradates I.

Исследователи, занимающиеся процессом становления Парфянской державы, в основном концентрируются на внешнеполитических событиях этого периода и практически не уделяют внимания внутренней политике первых Аршакидов. Между тем без выяснения истории взаимодействия завоевателей-парнов с оседлым земледельческим и городским населением Парфии и Гиркании невозможно понять, как в кратчайшие, по меркам истории, сроки маленькая Парфия¹ превратилась в одну из четырех сверхдержав Древнего Мира.

К моменту завоевания Аршаком I селевкидских сатрапий Парфии и Гиркании ок. 238 г. до н. э.² на этих территориях проживали как иранцы, так и греки. К числу первых относились парфиены, гирканцы, тапуры и марды, предки которых обитали в этих краях еще в доахеменидскую эпоху. Последнее племя заслужило у античных авторов репутацию воинственного, варварского и разбойничьего народа³. Эллины появились здесь вместе с Александром Македонским и осели в основном в городах. В Парфии это была ее столица Гекатомпил⁴, а также Сотейра, Каллиопа, Харита, Ахайя⁵; в Гиркании – Тамбрак, Сиринок и Ахриана⁶.

Для правильного понимания отношений, сложившихся у Аршака I с населением завоеван-

ных областей, необходимо обязательно принять во внимание следующие факторы. Во-первых, селевкидское государство вовсе не было колониальным обществом⁷, в котором, как считают многие историки, установилось господство этноса завоевателей⁸. В действительности социальные классы селевкидского времени были полиэтничны, что не позволяло согласиться с мнением о совпадении социального деления с этническим⁹. Неудивительно, что местное население не имело никаких оснований видеть в парнах своих освободителей от господства греко-македонян. Во-вторых, начало контактов парнов с населением этих сатрапий восходит к более ранней эпохе, когда кочевники, пользуясь незащищенностью северных границ державы Селевкидов и слабостью местных властей, добились для себя права в определенное время совершать набеги на Гирканию, Несайю и равнины парфиенов, а также захватывать там добычу¹⁰. Поэтому местные жители не ждали от незваных гостей ничего хорошего. В-третьих, ни Парфия, ни Гиркания не были готовы принять у себя пришедших с Аршаком кочевников. В самом деле, Парфия была невелика и настолько бедна, что ахеменидские и селевкидские цари со своими армиями стремились как можно скорее ее миновать, так как область не могла прокормить их воинов даже короткое время¹¹. Гиркания, напротив, была весьма обширной и плодородной страной, богатой вином, хлебом, смоквами (инжиром) и медом¹². Но появление здесь кочевников с их стадами угрожало превращением полей, садов и виноградников в одно большое пастбище. Закономерно, что и Парфия, и Гиркания оказали захватчикам ожесточенное сопротивление. Обессилев из-за постоянной войны с лишившимися своей земли, но не желавшими покоряться парфиенами и гирканцами¹³, Аршак ок. 230 г. до н. э. был разбит Селевком II Каллиником и потерял все завоеванные территории¹⁴.

Разгром Антиоха III египтянами в битве при Рафии в 217 г. до н. э. предоставил Аршаку I отличную возможность взять реванш. Парны вновь вторглись в Парфию и захватили селевкидские земли вплоть до Каспийских ворот – горного прохода Сар-и Дара в 12 км к юго-востоку от Эйванеки¹⁵. Между тем Антиох III даже после заключения мира с Птолемеем IV не смог сразу же направиться на Восток, так как до 214 г. до н. э. царю пришлось бороться с мятежным сатрапом

Ахеем в Малой Азии. Естественно, что Аршак I попытался воспользоваться полученной передышкой. Если верить данным Юстина, согласно которым основатель Парфянского государства активно строил крепости (*castella*) и основывал города (*civitates*)¹⁶, то можно прийти к выводу, что отношения Аршака I с его новыми-старыми подданными претерпели разительные изменения. В самом деле, урбанизация была бы невозможной без активного участия местного населения, которое, в отличие от парнов, было хорошо знакомо с городской жизнью. Однако мне уже приходилось отмечать, что источник эпитомы Помпея Трога – Аполлотор из Артемиды – следовал официальной парфянской традиции, в которой история представляла собой, какой ее хотели видеть правящие круги Парфии, а факты учитывались лишь в той степени, в которой они не противоречили желаемому¹⁷. Именно этими обстоятельствами и объясняется то, что источник наделяет Аршака I царским титулом, которым он никогда не обладал, и приписывает вождю парнов образ действий, характерный для типичного эллинистического правителя. Реальная картина «градостроительства» Аршака I проглядывается в описании основанного им города Дара¹⁸, соответствующего современному Кара Ших Тепе на южных склонах хребта Гекчедаг¹⁹. Этот «город» был созданием не рук человеческих, а природы, и, по сути, являлся просто скалой-убежищем, которые существовали в различных областях Ирана и Средней Азии²⁰. Естественно, что для его «сооружения» ни местные жители, ни их опыт не требовались. Единственное мероприятие Аршака, которое не могло обойтись без привлечения специалистов из числа эллинов, – начало чеканки собственной монеты²¹ – общей картины никак не меняет.

О том, что политика Аршакидов в отношении завоеванного населения не изменилась ни на йоту, свидетельствует и выбранный Аршаком II способ борьбы с армией Антиоха III, который в 209 г. до н.э. приступил к реставрации селевкидской власти на Востоке. Сын и наследник Аршака I мог бросить против Антиоха свою превосходную конницу, чтобы она тревожила вражескую пехоту на марше и нападала на отряды фуражиров. Однако Аршак не захотел рисковать своими соплеменниками и вместо этого прибегнул к тактике «выжженной земли». Отданный им приказ о разрушении подземных каналов (*канатов*) и колодцев, являвшихся основой ирригации в Парфии²², обрекал здешних крестьян на разорение и голодную смерть. В такой ситуации они должны были ждать прихода войск Антиоха как избавления от неминуемой гибели. Действия Аршака II наглядно продемонстрировали, что он, по сути, являлся не правителем Парфии, а только вождем парнов, что его власть в Парфии и других селевкидских сатрапиях была просто военной оккупацией.

Естественным следствием подобного порядка вещей оказалось отсутствие поддержки со стороны местного иранского населения.

Казалось бы, что такому заключению противоречит факт серьезного сопротивления, с которым Антиоху пришлось столкнуться при переходе через Эльбурс и в Гиркании. Между тем широко распространенное мнение, что основным его противником в горах и самой Гиркании были парфяне²³, не имеет опоры в тексте Полибия, который именует врагов Антиоха просто варварами²⁴. Сначала они пытались остановить селевкидскую армию на перевалах, а потом организовали оборону Сиринок. Скорее всего, ими были те самые горные племена тапуров и мардов, с которыми пришлось сражаться еще Александру Македонскому²⁵. Впрочем, они выступали не столько за Аршака II, сколько против любого, кто пытался проникнуть в их дом.

Отдельно стоит упомянуть об отношениях между Аршаком II и эллинами. Хотя нет оснований считать, что резня греков в Сиринке²⁶ была организована по приказу Аршака II²⁷, последний нес за нее полную политическую ответственность, так как это было делом рук его фактических союзников. Поэтому не будет слишком рискованным предположить, что эллины воспринимали парнов и их вождя как своих злейших врагов. Ввиду сказанного выше не удивительно, что Аршак II проиграл войну с Антиохом III и не сумел сохранить за собой ни Парфии, ни Гиркании²⁸.

Таким образом, неудачи первых правителей Парфии были связаны с тем, что они оказались не в состоянии привлечь местное население на свою сторону. Внутренняя политика Аршака I и Аршака II, то, с какой легкостью после поражений от Селевкидов они уходили к апасиакам за Окс (Узбой), их самопрезентация на монетах в образе вождей кочевников, а не правителей земледельцев²⁹ – все это заставляет признать, что сельское и городское население Парфии и Гиркании рассматривалось ими только в качестве военной добычи.

Однако удача еще раз улыбнулась ранним Аршакидам, когда в 190 г. до н.э. Антиох III потерпел сокрушительное поражение от римлян в битве при Магнесии. Селевкиды утратили все свои владения к северу и западу от Тавра и должны были выплатить победителям огромную контрибуцию, что привело к резкому ослаблению их государства. Естественно, что парны не преминули воспользоваться удачно сложившимися обстоятельствами. Не позднее правления Фраата I (ок. 176–171 гг. до н.э.) в их руках оказалась Гиркания. Судя по прекращению работы селевкидского монетного двора в Гекатомпиле, сразу после смерти Антиоха IV³⁰ в 164 г. до н.э. ее судьбу разделила и Парфия.

Безусловной заслугой Фраата I, его брата и наследника Митридата I было осознание того

факта, что без преодоления конфликта с местным оседлым населением невозможно думать не только о новых завоеваниях, но даже о сохранении прежних. Прежде всего, Аршакиды отказались от практики размещения своих соплеменников-парнов на завоеванных землях. Это видно хотя бы из того, что связанные с парнами могильники концентрируются на берегах Оха (Сумбара-Атрека) и в северо-западных предгорьях Копетдага³¹ и не встречаются на территориях к югу от Эльбурса и Нишапурских гор. Уже в действиях Фраата I можно разглядеть меры, предпринятые в интересах оседлого населения Гиркании, – покорение народа мардов, известных своими разбойничьими повадками³², что делало их опасными соседями для живших на равнине гирканцев. Стремление Фраата стабилизировать ситуацию перевесило даже то, что марды были союзниками его деда Аршака II. Постепенно нормализуются и отношения с эллинами, начинается процесс эллинизации верхушки парфянского общества. Об этом можно судить по имени одного из полководцев Митридата I, в 141 г. до н.э. назначенного царем командовать армией в только что захваченной парфянами Вавилонии, – Антиоха, сына Арьябузана³³. Вряд ли бы он занял свой пост, будучи моложе двадцати лет. Следовательно, дети парфянской знати начинают получать при рождении греческие имена не позднее 60-х гг. II в. до н.э., т. е. еще до захвата Мидии. Возможно, что Антиох был плодом смешанного брака, и Арьябузан дал сыну эллинское имя из-за матери-гречанки.

Результаты этих серьезных изменений во внутренней политике сказались уже в правление Митридата I. Нормализация отношений с эллинами, парфиянами и гирканцами позволила ему использовать материальные и людские ресурсы завоеванных областей для покорения Мидии и Месопотамии на западе и успешного наступления на Греко-Бактрию на востоке, что превратило Парфию в мировую державу.

Примечания

- ¹ Здесь и далее под Парфией понимается государство, возникшее в результате завоевания вождем парнов Аршаком I селевкидских сатрапий на северо-востоке Ирана.
- ² См.: Балахванцев А. С. Аршак I или Андрагор : кто был основателем Парфянского государства? // Восток (Oriens). 2013. № 3. С. 19–20.
- ³ Curt. VI. 5. 11; Arr. Anab. III. 24. 2.
- ⁴ О локализации этого города, ставшего впоследствии столицей Парфии, см.: Hansman J. The Measure of Hecatompylos // J. of the Royal Asiatic Soc. 1981. P. 3–9.
- ⁵ App. Syr. 57.
- ⁶ Polyb. X. 31. 5–6, 14.
- ⁷ См.: Бокщанин А. Г. Парфия и Рим : в 2 ч. М., 1960. Ч. I. С. 138, 155 ; Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 75.

- ⁸ См.: Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 133 ; Edson Ch. Imperium Macedonicum : The Seleucid Empire and the Literary Evidence // Classical Philology. 1958. Vol. 53(3). P. 156, 164 ; Will É. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.)¹. Nancy, 1966. Т. 1. P. 243 ; Préaux C. Le monde hellénistique: la Grèce et l'Orient (323–146 av. J.-C.). P., 1978. P. 680 ; Briant P. Colonisation hellénistique et populations indigènes. La phase d'installation // Klio. 1978. Bd. 60(1). P. 92 ; Walbank F. W. The Hellenistic World. L., 1993. P. 14–15, 63, 65, 125 ; Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 32, 49 ; Frye R. N. The History of Ancient Iran. München, 1984. P. 173 ; Маринович Л. П. Александр Македонский и становление эллинизма // Эллинизм : экономика, политика, культура. М., 1990. С. 90–91.
- ⁹ См.: Балахванцев А. С. Восточная политика Александра Македонского и Селевкидов : разрыв или преемственность? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год : Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / под ред. А. В. Подосинова и О. Л. Габелко. М., 2014. С. 309–310.
- ¹⁰ Strab. XI. 8. 3.
- ¹¹ Ibid. 9. 1.
- ¹² Ibid. 7. 2 ; Curt. VI. 4. 21.
- ¹³ Strab. XI. 9. 2.
- ¹⁴ См.: Балахванцев А. С. Великое противостояние : Селевк II Каллиник и Аршак I // Вестн. ВГУ. 2015. № 1. С. 9–10.
- ¹⁵ См.: Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. II. Oxford, 1967. P. 232.
- ¹⁶ Just. XLI. 5. 1.
- ¹⁷ См.: Балахванцев А. С. Селевк II Каллиник и Парфия // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности / под ред. О. Л. Габелко. Казань, 2000. С. 213.
- ¹⁸ Just. XLI. 5. 2–4.
- ¹⁹ См.: Kiani M. Y. Parthian sites in Hyrcania : the Gurgan plain. Berlin, 1982. P. 47.
- ²⁰ Curt. VI. 6. 23–24, VII. 11. 1–3 ; Arr. Anab. IV. 18. 4–5, 21. 2.
- ²¹ См.: Sellwood D. G. An Introduction in the Coinage of Parthia 2nd ed. L., 1980. P. 20–24.
- ²² О роли таких подземных каналов в водоснабжении территорий, прилегающих к центральным пустыням Ирана, см.: Петров М. П. Иран (физико-географический очерк). М., 1955. С. 83–84 ; Walbank F. W. A Historical Commentary. P. 236.
- ²³ См.: Debevoise N. C. A Political History of Parthia. Chicago ; L., 1969. P. 17–18 ; Бокщанин А. Г. Указ. соч. С. 202–203 ; Кошеленко Г. А., Гаубов В. А. Монетное дело Парфии при Аршаке II // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 4. С. 26.
- ²⁴ Polyb. X. 29–31.
- ²⁵ Curt. VI. 5. 11–21 ; Arr. Anab. III. 23–24.
- ²⁶ Polyb. X. 31. 11.
- ²⁷ См.: Wolski J. Seleucid and Arsacid Studies. Kraków, 2003. P. 68.

- ²⁸ Балахванцев А. С. Парфянский поход Антиоха III // Восток (Oriens). 2015. № 1. С. 12.
- ²⁹ См.: *Gaslain J. Le bachlik d' Arsace Ier ou la representation du nomade-roi* // Bulletin of Parthian and Mixed Oriental Studies. 2005. Vol. I. P. 9–30.
- ³⁰ См.: *Houghton A., Lorber C., Hoover O. Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Pt. 2. Vol. I. N. Y. ; L., 2008. P. 694.*
- ³¹ См.: Балахванцев А. С. Среднеазиатские дахи в IV–

- II вв. до н. э. : происхождение, хронология и локализация // Средняя Азия от Ахеменидов до Тимуридов : археология, история, этнология, культура : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого / под ред. В. П. Никонорова. СПб., 2005. С. 65–66.
- ³² *Just. XLI. 5. 9.*
- ³³ См.: *Sachs A. J., Hunger H. Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Wien, 1996. Vol. III. P. 134–135.*

УДК [94+327](410+560)|15/16|

ДИПЛОМАТИЯ И ДИПЛОМАТЫ АНГЛИИ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (начальный этап сотрудничества)

Л. Р. Сабитова

Саратовский государственный университет
E-mail: Sabitovalliya90@mail.ru

В статье рассматривается деятельность первых английских дипломатов в Стамбуле. Миссия внешнеполитических эмиссаров Лондона на территории Османской империи, в период её расцвета, представлена и освещена автором в тесной связи с региональными интересами английской Левантской компании.

Ключевые слова: Англия, Османская империя, английская дипломатия, Ближний Восток, Левантская компания.

English Diplomacy and Diplomats in the Ottoman Empire (Beginning of Cooperation)

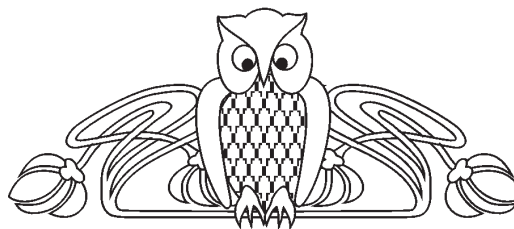
L. R. Sabitova

The article deals with the activity of the first English ambassadors in Istanbul. The mission of London's diplomatic representatives in the Ottoman Empire, at the peak of its prosperity, is described by the author in close connection with the regional interests of the English Levant Company.

Key words: England, Ottoman Empire, English diplomacy, Middle East, Levant Company.

Гибель христианской Византии (1453) и рождение мусульманской Османской империи привели к быстрому и радикальному изменению внешней политики европейских государств. Могущественная Порта, подчинившая себе огромные территории Балкан и Восточного Средиземноморья (Левант), в качестве влиятельной силы региональной и глобальной политики выступила как основной торговый и военно-политический конкурент Испании, Португалии, а позже – Франции, Голландии и Англии. Принимая этот геополитический вызов, каждая из европейских стран разрабатывала и осуществляла на практике собственную стратегию «восточной политики».

Королевство Англия, открывшее и оценившее богатство Ближнего Востока в эпоху Крестовых походов, одно из первых установило

выгодные торговые и дипломатические отношения с Османской империей. На этом сложном пути правящей элите островной державы и ее региональным эмиссарам пришлось навёрстывать отставание от конкурентов-европейцев, среди которых наибольшую угрозу представляла Франция (XVI–XVIII вв.), а потом – Россия (XVIII – начало XIX в.). Как известно, главным итогом этой конкуренции к середине XIX столетия стало доминирование Англии. По этой причине небезынтересно проследить трансформацию деятельности английских посланников в Стамбуле – главных проводников влияния Лондона на Ближнем Востоке. Особое внимание привлекает их деятельность на ранней стадии проникновения в этот регион, то есть в XVI–XVII столетиях.

Исторически главным стимулом, побудившим Англию активизировать внешнеполитический курс в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, было желание напрямую торговать с Левантом (Сирия, Ливан), через территорию которого шли торговые коммуникации, издавна связывавшие Европу и Азию. В Средние века и в эпоху Раннего Нового времени роль посредника в этой системе экономических отношений играли итальянские торговые республики (Венеция, Генуя). Однако уже в начале XVI столетия отдельные английские купцы направляли в Средиземное море свои корабли, владельцам и капитанам которых даже удавалось получить временные привилегии от турецких властей¹. Подобные эпизодические контакты с османами при возможности получать восточные товары через посредников-христиан по-прежнему не требовали от Лондона скорейшего установления официальных отношений со Стамбулом. Однако опережающая легитимация франко-турецких дипломатических отношений и подписание договора о Капитуляциях (1535), в котором правительство Сулеймана Великолепного предоставило французам ряд торговых привилегий, сильно обеспокоили англичан. Состоявшиеся